

ОЗЁРСКИЙ РЕГЛАМЕНТ

Озёрский регламент

Денис Кабанов

Озёрский регламент

«Автор»

2026

Кабанов Д. В.

Озёрский регламент / Д. В. Кабанов — «Автор», 2026

Суровый уральский мороз и прогнившие чиновничьи схемы-против честного мужицкого калибра дела. Бывший строитель Дмитрий Андреевич Краснов принимает руководство Озёрским районом в самый критический момент. Город замерзает: коммунальное хозяйство разграблено сабуровской бандой казнокрадов, центральные теплотрассы изношены, а новые задвижки Водоконала воруют прямо со складов посреди ночи. Чиновники по старой привычке прячутся за глухими дверями кабинетов, штампуя липовые акты приёмки и надеясь переждать зиму. Но время пустых обещаний и воровского базара кончилось. Озерская гвардия Краснова запускает свой жёсткий, нерушимый регламент. Мэр Леонид Чайкин забивает казначейские замки и опускает финансовые сита, блокируя офшорные счета подрядчиков и оставляя вороватых чинуш на голодном окладе. Краснов Д.А. договаривается с рабочими мужиками и побеждает в яростной борьбе за губернаторский пост с историческим результатом в 84 % голосов.

© Кабанов Д. В., 2026

© Автор, 2026

Денис Кабанов

Озёрский регламент

Глава 1. Задвижки, слесарный дзен и народная мудрость

В подвальной диспетчерской Озёрского водоканала пахло сыростью, машинным маслом и крепким чаем со смородиновым листом. На стене рядом с пожелтевшей схемой магистралей висел фанерный щит с криво выведенной краской фразой: *«Не трогай технику, и она тебя не подведёт, а полез кривыми руками — суши портянки»*.

Дмитрий Андреевич Краснов, сорокадвухлетний заместитель начальника городского отдела ЖКХ, сидел на шатком табурете и разглядывал два документа. Один — новенький, пахнувший лазерным принтером акт приёмки импортных запорных задвижек на сорок восемь миллионов рублей, лично завизированный мэром. Второй — замусоленный бланк со станции вторчермета: по нему выходило, что под видом немецкого чугуна в город привезли покрашенный суриком советский утиль 1974 года сборки.

Напротив сидел дядя Гриша — старший бригадир аварийщиков, мужик с лицом цвета лежалого кирпича и руками, въевшимися в мазут до костей.

— Дима, эта рухлядь при первом же ноябрьском гидроударе скажет «кря» и разлетится на атомы, — дядя Гриша шумно отхлебнул кипятка из эмалированной кружки. — Как говорил мой покойный батя: *«Скупой платит дважды, тупой — трижды, а русский народ — пожизненно»*. Зальёт кипятком всю Заречную слободу, детский интернат и хлебозавод. А виноваты будем мы с мужиками, потому что мэрские орлы к тому моменту уже будут греть пузо на пляжах в Дубае.

Краснов потёр уставшие глаза. Он знал, чья контора сорвала куш — ООО «СеверТрансРесурс», оформленная на племянника полковника полиции Звягинцева. Звягинцев в Озёрске был царь, бог и воинский начальник в одном флаконе. Любая жалоба на него растворялась в воздухе быстрее, чем спирт на горячей плите.

— А мэр что? — хмуро спросил дядя Гриша.

— Мэр, дядь Гриш, человек возвышенный, — усмехнулся Краснов. — Сказал мне дословно: *«Дмитрий Андреевич, не раскачивай лодку, а то вырвет вместе с вёслами»*. Посоветовал думать о семье и не лезть в гидравлику высших сфер.

— Ну-ну. *«Рыба гниёт с головы, но чистят её почему-то всегда с хвоста»*, — сплюнул бригадир. — И что делать будем? Терпеть, пока трубы не лопнут?

— Нет, — Краснов аккуратно сложил накладную вторчермета вчетверо и спрятал во внутренний карман потертой куртки. — Будем лечить систему её же собственными клизмами.

Идея зрела в нём давно: профессиональный чиновник и депутат на постоянной зарплате — это трутень. Законы должны принимать те, кто руками щупает результат: токари, врачи, агрономы, инженеры. Собрались раз в квартал, утвердили сметы, завернули воровские инициативы — и обратно к станку и скальпелю. Но чтобы вернуть трудовому люду мандаты, нужно было сначала сковырнуть тех, кто вцепился в кресла мёртвой хваткой.

Глава 2. Гаражный генштаб и капитан на «Весте»

Первым делом Краснов вышел на капитана ОБЭП Артёма Седых. Вышел через дядю Гришу — его сын служил с Седых в одной роте. Седых в городском отделе полиции считался юродивым: взятки не брал, катался на кредитной «Ладе Весте» с помятым крылом и упрямо отказывался закрывать дела на рыночных спекулянтов, заносащих конверты

руководству.

Штаб развернули в гараже № 47 кооператива «Мотор». Обстановка была строго конспиративной: на капоте стояла трёхлитровая банка с мутным рассолом, тарелка с салом и лежал наполовину разобранный стартер.

— Если кто заглянет, — наставлял Краснов, — мы тут просто мужики, обсуждаем фазы зажигания и кроем матом автопром. *«Меньше знают — крепче спят, крепче спят — целее зубы».*

Председатель гаражного кооператива, вредный дед Михеич, дважды заглядывал в шёлку ворот, пытаясь уличить их в нарушении сухого закона, но Краснов с невинным видом вручал ему разводной ключ на 24 и просил «придержать маховик, пока резьба не остыла». Дед ругался, кряхтел и уходил восвояси.

— Звягинцева голыми руками не возьмёшь, — Седых щёлкал клавишами старенького ноутбука, сверяя выписки подставных счетов. — У него крыша в областном главке такая, что хоть танки подгоняй. Мы тут с тобой, Краснов, как два воробья против комбайна. *«Против лома нет приёма».*

— *«Окромя другого лома»*, — парировал Краснов, нарезая сало тонкими ломтиками. — Комбайн силён, пока солёнка есть. А если в бак сахара сыпануть, он сам встанет.

Звягинцев жаден до безумия. А жадность фраера не просто губит — она его связывает по рукам и ногам.

Ловушку на полковника готовили две недели. Краснов через свои связи в районе подкинул Звягинцеву «жирную наживку» — фиктивную смету на ремонт очистных коллекторов, на которую зашла честная подрядная организация ветеранов-афганцев. Полковник не выдержал конкуренции и лично потребовал пять миллионов рублей наличными за «зелёный свет».

Но брат Звягинцева силами местной полиции было самоубийством — свои же сольют за полчаса. Седых через армейские контакты связал Краснова с майором Вороновым из областного управления ФСБ.

Брали полковника в его собственной загородной бане. Звягинцев, распаренный, в махровом халате на голое тело, сидел перед открытым спортивным баулом, набитым пачками купюр, когда дверь вынесли кувалдой бойцы спецназа «Град».

Ладони полковника под ультрафиолетовой лампой вспыхнули ядовито-зелёным светом люминофора: на купюрах красовалась надпись «ВЗЯТКА».

Звягинцев тяжело осел на скамью, роняя на пол недопитую кружку пива:

— Вы... вы хоть понимаете, под кого копаете? Да меня завтра сам губернатор вытащит!

— *«На каждого мудреца довольно простоты, а на каждого генерала найдётся своя тайга»*, — хладнокровно резюмировал майор Воронов, защёлкивая наручники. — Собирайся, полковник. Парная окончена, впереди долгие зимние процедуры.

Глава 3. Поездка на пасеку и школа старого волка

Арест Звягинцева расчистил место — Седых временно возглавил райотдел. Но Краснов понимал: срубили только один сук, а дерево коррупции уходило корнями в столицу. Через три дня Воронов передал Краснову короткую записку: *«Завтра в пять утра. Станция "Лесной Кордон". Билет в один конец. Мобильник оставь дома в кастрюле — экранирует лучшие всяких чехлов».*

Старый дизель-поезд высадил их на глухом полустанке посреди тайги. Оттуда на разбитом молоковозе они добрались до уединённого хутора на берегу реки.

На подворье ровными рядами стояли пчелиные ульи, пахло медовым воском, сосновой смолой и речной свежестью. Возле сарая сухой, жилистый старик в брезентовой робе ловко раскалывал березовые чурбаки тяжелым колуном. Это был Павел Сергеевич Березин — отставной полковник контрразведки, легенда советской и российской аналитики, которого десять лет назад «ушли» на покой за слишком длинный нос в делах сырьевых олигархов.

Колун с треском вонзился в колоду. Старик оперся на топорище и окинул Краснова колючим, рентгеновским взглядом:

— Здорово, заговорщики. Ну и который из вас тут будущий государь всяя Руси, а который просто рядом постоять пришел?

— Добрый день, Павел Сергеевич, — спокойно ответил Краснов.

— Добрый он будет, когда картошка без колорадского жука уродится, — отрезал Березин. Он указал черенком на вторую колоду и лежащий рядом запасной топор. — Слышал я про твои подвиги в бане. Красиво Звягинцева упаковали. Только *«цыпляют по осени считают, а дураков — на митингах»*. Бери инструмент. Поглядим, есть у тебя в руках сила или только кабинетные мозоли на языке.

Следующие сорок минут во дворе стоял ритмичный перестук стали о березу. Березин наблюдал исподлобья: чиновник не сбивал дыхание, бил точно по трещинам древесины, не суетился и не пытался произвести впечатление.

— Ладно, спина не горбатая, — буркнул наконец старик. — Топор воткни, пошли в избу. Чай стынет, а *«холодный чай только жабу порадует»*.

Глава 4. Три закона Березина

На кухне царил идеальный, почти армейский порядок. Никакой роскоши: дощатый стол, железный чайник на дровяной печи, связки зверобоя под потолком и стеллажи, забитые книгами по высшей математике, теории систем и мемуарами дипломатов.

Березин разлил по граненым стаканам крутой травяной сбор, плеснул в блюдечко темного меда и закурил папиросу «Беломорканал»:

— Читал я твои записки, Краснов, — старик выпустил плотную струю дыма. — «Власть — народу, мандаты — рабочим, воров — на нары». Лозунги звонкие. Как у нас в народе говорят: *«Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить»*. Ты всерьез думаешь, что если ты честный и за правду, то тебе кремлевские ворота сами распахнутся? Да тебя на дальних подступах пережуют, косточки выплюнут и в газетах напишут, что ты на деньги марсианской разведки колодцы травил.

— Я иллюзий не строю, Павел Сергеевич, — Краснов обхватил горячий стакан ладонями. — Я в системе двенадцать лет. Я знаю, что она неповоротливая, тупая, но тяжелая, как чугунная плита. В лоб ее бить — только лоб расшибить. Но внутри этой плиты — пустоты. Там полно людей, которым тошно. Офицеры, которые не хотят крышевать бордели. Врачи, которые устали писать липовые отчеты вместо операций. Заводчане, у которых станки на лом режут. Им нужен не бунт, им нужен центр кристаллизации.

Березин усмехнулся в прокуренные усы, но в глазах блеснул профессиональный интерес хищника:

— Центр кристаллизации, говоришь? Физик выискался. А сам-то потянешь? Власть — штука грязная, тяжелая. *«Хочешь быть чистеньким — сиди в бане, а полез в политику — учись дышать гарью»*.

Старик поднялся, подошел к комоду и достал потрепанную серую тетрадь в коленкором переплете:

— Значит так, кандидат в спасители Отечества. Слушай сюда и на ус наматывай. Контрразведка — это не стрельба из пистолета с глушителем. Это шахматы, где вместо фигур — человеческие страсти. Если хочешь выжить и дойти до выборов, вызубри три правила:

Принцип грибницы. Никаких штабов с флагами и манифестами. *«Гриб растет под землей, на свет вылезает только шляпка перед сбором»*. Сеть строится ячейками: майор полиции не знает подполковника из штаба округа, а директор завода не знает нашего человека в казначействе. Связь только через тебя и доверенных курьеров. Провалят одного — остальные стоят.

Оружие врага против него самого. Коррупционера нельзя победить проповедью о морали — ему на твою мораль чихать с колокольни. Его надо ловить на крючок его же порока: на жадности, зависти, трусости. *«Клин клином вышибают, а вора — его же амбарной книгой»*.

Тыл решает всё. Президентом не становятся на площадях. Президентом становятся, когда на твоей стороне армейская логистика, бесперебойная подача хлеба и честные силовики,

которые в решающий момент просто положат телефонную трубку на стол и скажут наверх: *«Приказ на разгон не прошел по техническим причинам»*.

Березин положил ладонь на тетрадь и посмотрел Краснову прямо в душу:

— Страну в девяностые растащили, потому что народ безмолвствовал, а у руля оказались прощелыги с калькуляторами вместо совести. Второй раз этот номер пройти не должен. Я тебе помогу выстроить стратегию, Краснов. Людей нужных подтяну — старую гвардию, тех, кто за державу зубами скрипит. Но если заметишь за собой хоть грамм барства или решишь предать мужиков ради теплого кресла... Сам найду. Из-под земли достану. Усек? — Усек, Павел Сергеевич, — твердо ответил Краснов. — *«Дал слово — держи, а не держишь — не мужик»*.

Березин помолчал, затушил окурок и впервые широко, с лукавым прищуром улыбнулся: — Ну вот и ладушки. А теперь, Воронов, тащи из погреба соленые грузди и сало. Чай — дело хорошее, но под сухую аналитику без хорошей закуски только язва развивается. Будем чертить твою дорожную карту до самого Кремля. Работы, мужики, выше крыши.

Глава 5. Запах формалина и бухгалтерия покойников

В подвале районного морга пахло хлоркой, стылым железом и дешёвым табаком «Прима». Местный патологоанатом Иваныч — сухой старик с лицом ветхозаветного пророка и цепкими пальцами хирурга — содрал резиновые перчатки, бросил их в эмалированный таз и плеснул в две стеклянные мензурки чистого медицинского спирта.

— Пей, Краснов, не морщись, — проскрипел Иваныч, кивая на мутное стекло. — *«Спирт внутри — микробам смерть, а душе спокойствие»*. К тому же на трезвую голову на это бл...дство смотреть грешно.

На цинковом столе под серой простыней лежал Серебряков. Тихий железнодорожный диспетчер, отдавший станции сорок два года. В официальной сводке, которую замначальника главка уже отправил в область, значилось: *«Находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, гражданин Серебряков нарушил правила техники безопасности и попал под маневровый тепловоз»*.

Краснов к мензурке не притронулся. Подошёл ближе, глядя на синюшное, застывшее лицо старого железнодорожника.

— Что там, Иваныч?

— А то ты сам не видишь, — старик сдёрнул простыню ниже. — Три ребра слева вдавлены внутрь тупым предметом — судя по следу, ментовской дубинкой ПР-73. На шее — странгуляционная борозда от офицерского ремня. Деда сначала удушили в служебной каптёрке, а потом аккуратно под колёсную пару положили, чтоб концы в колею спрятать. Только вот просчитались умники: в крови у Серебрякова ни промилле. Старик язвенник был, тридцать лет капли в рот не брал.

Иваныч вытащил из ящика стола прозрачный пакет для вещдоков. Внутри лежала засаленная записная книжка в дерматиновой обложке и огрызок химического карандаша: — Это у него в носке за подкладкой нашли. Менты по карманам пошарили, а туда не полезли. Побрезговали старыми портянками. А зря. Как говорил мой дед-артиллерист: *«Самая важная наводка всегда лежит в самой грязной канаве»*.

Краснов раскрыл блокнот. Ровным каллиграфическим почерком старого стрелочника там были выписаны номера цистерн и литерные знаки армейских эшелонов. Каждую неделю составы с пометкой «ГСМ. Стратегический резерв ЦВО» приходили на тупик базы № 14. А уходили порожняком. По бумагам же солярка числилась «отгруженной на учения в полевые лагеря».

— Значит, Серебряков не просто стрелки переводил, — тихо произнёс подошедший сзади майор Седых, скрипнув кожаной курткой. — Он их логистику вёл. Полковник Шاپовалов, начальник окружного арсенала ГСМ, списывал топливо эшелонами, а через заправки племянника Звягинцева толкал дальнобойщикам за наличку.

— За что деда? — Краснов сжал блокнот так, что побелели костяшки пальцев.

— А дед в прошлый вторник отказался подписать липовую ведомость на двадцать цистерн «Арктики», — хмуро ответил Седых. — Сказал прямо в сытую рожу шаповаловскому адъютанту: *«Мой отец в сорок третьем эшелоне на фронт под бомбами толкал не для того, чтобы ты, тыловая крыса, на крови моего отца себе карманы набивал»*. Ну они деда и успокоили. Навсегда.

В подвале повисла тяжёлая, гулкая тишина. Только капала вода в ржавом умывальнике: кап... кап... кап...

Краснов стоял не шелохнувшись. Скулы свело так, что зубы скрипнули, но ни крика, ни бабьего воя не было — только холодная, свинцовая ярость, осевшая где-то под сердцем: — Деда схороним по-людски. За наш счёт. А эти... эти ответят за каждую каплю.

Иваныч залпом опрокинул мензурку со спиртом, занюхал рукавом халата и мрачно усмехнулся в усы:

— Заключение я напишу настоящее, Дима. Про убийство и вдавленные рёбра. Но ты учти: *«За правду у нас не бьют, за неё сразу закапывают без венков и оркестра»*. Если эту тему поднимешь — копай быстрее, чем они. Иначе ляжешь на соседний стол.

— Не ляжем, Иваныч, — отрезал Краснов, пряча блокнот во внутренний карман. — *«Двум смертям не бывать, а одной не миновать, да и ту надо встретить на ногах, а не на карачках»*. Артём, заводи «Весту». Едем к Березину. Пора подключать генерала.

Глава 6. Клинья на морозе

До полигона «Широкий Карамыш» добирались затемно на старом уазике Воронова. Дорогу переметало колючей позёмкой, фары выхватывали из чёрного морозного марева вековые сосны, облепленные снегом. На заднем сиденье Березин невозмутимо дремал, надвинув на лоб старую офицерскую ушанку, а Краснов прижимал к груди брезентовую полевую сумку. В ней лежали блокнот Серебрякова и три стеклянные банки из-под майонеза с мутной, отдающей керосиновой гарью жижей, взятой ночью со складов ГСМ. — Ты, главное, под генерала не стелись, — не открывая глаз, проскрипел сзади Березин. — Коршунов породу чует за версту. *«Перед панами шапку ломать — только шею натирать, а перед боевым генералом спину согнёшь — он тебе в неё сапогом и упрётся»*. Разговаривай как хозяин со старшим по цеху.

Офицерская баня стояла на отшибе гарнизона, у самого края танкодрома. Сруб из вековой лиственницы дымил трубой в звёздное небо, а вокруг топтались два автоматчика в полушубках, замёрзшие до синевы. Березина они пропустили без звука — старого волка здесь знали ещё со времен первой чеченской кампании.

В предбаннике стоял густой, ядрёный дух распаренной полыни, дегтярного мыла и свежего берёзового листа.

Дверь парилки распахнулась с глухим стуком, обдав предбанник клубами обжигающего пара. В облаке белого тумана стоял сам генерал-майор Виктор Степанович Коршунов — кражистый, с литыми плечами боксёра-тяжеловеса, в одних холщовых штанах. На груди темнел рваный шрам от осколка, а правое плечо пересекала татуировка «За ВДВ!», выцветшая до синевы.

— Ну здорово, нечистая сила, — басом зарокотал генерал, оглядывая Березина. Потом перевёл немигающий взгляд на Краснова: — А это что за пиджак с тобой? Из районных грамотеев? Ты ко мне в гарнизон кого притащил, Паша? У меня через четыре часа генеральная репетиция манёвров, инспекция Минобороны из Москвы с поезда сходит, а ты мне гражданских подсовываешь! *«В бане генералов нет, но и дуракам тут делать нечего»*.

— Помолчи, Витя, пар выйдет, — Березин спокойно стянул валенки. — Этот пиджак тебе сейчас погоны спасёт. А может, и бригаду твою от позора вселенского. Заходи в парную, Краснов. Поглядим, из какого ты теста слеплен.

В парилке термометр зашкаливал за сто десять градусов. Воздух драл горло, как наждак. Коршунов плеснул на раскалённые камни ковш кваса — по каменке прокатился шипящий стон, и волна хлебного жара прижала Краснова к нижнему полку. Генерал выхватил из шайки два веника — один берёзовый, второй из колючей горной крапивы.

— Ну что, кандидат в начальники, ложись на полку! — осклабился Коршунов, заноса крапиву. — *«Терпи, баран, пока шерсть стригут, а коли воин — зубы сцеди и молчи»!* Проверим твою дыхалку!

Удары посыпались тяжёлые, хлёсткие. Крапива жгла спину живым огнём, берёзовые листья свистели в раскалённом воздухе. Краснов зажмурился, вцепился пальцами в шершавые доски полка так, что затрещало дерево, но не издал ни звука — только шумно, сквозь стиснутые зубы втягивал раскалённый пар. Перед глазами стояло синюшное лицо старика Серебрякова на цинковом столе морга. В сравнении с той подлостью банный жар казался ерундой.

Через три минуты Коршунов бросил веники в шайку, шумно отдуваясь:

— Крепкий мужик. Не заскулил. Ладно, вылезай, говори, зачем припёрся. *«Коротко и ясно — воевать не опасно, а разведёшь турусы на колёсах — веником до костей отхожу».*

В предбаннике Краснов, тяжело дыша и обтираясь вафельным полотенцем, выставил на дощатый стол майонезные банки и швырнул блокнот стрелочника:

— Докладываю, товарищ генерал. Ваши танки сегодня на исходный рубеж не выйдут. Коршунов замер с кружкой холодного кваса у рта:

— Чего-о-о?!

— Того. В баках вашего отдельного танкового батальона вместо зимнего дизтоплива «Арктика» залит печной суррогат, разбодяженный водой и отработкой.

Генерал медленно опустил кружку. Лицо его налилось опасной, багровой кровью: — Краснов, ты берега не попутал?! У меня начальник службы ГСМ округа полковник Шаповалов вчера лично рапорт сдал: сто процентов готовности резервов! Все цистерны под пломбами!

— Полковник Шаповалов — вор и убийца, — отрезал Краснов, ткнув пальцем в блокнот. — Вот номера эшелонов, которые он за три месяца угнал на коммерческие заправки Казахстана. Двадцать тысяч тонн чистейшего топлива! А позавчера его подручные удавили на узловой станции железнодорожного диспетчера Серебрякова. Старик отказался подписать липовую накладную на эту бодягу. Сказал вора в лицо: *«Мой отец в сорок третьем эшелоны на фронт под бомбами толкал не для того, чтобы ты, тыловая крыса, на крови моего отца себе карманы набивал».*

Коршунов выхватил банку, свернул жестяную крышку и сунул нос внутрь. Запахло тухлятиной и парафином. Генерал плеснул плебейскую жижу на раскалённую чугунную дверцу топки.

Вместо ровного синего пламени раздался треск, из печи повалил густой, едкий чёрный чад, запахло палёной резиной. Жидкость пузырилась и не желала гореть.

— Сука... — глухо, страшно выдохнул Коршунов. Желваки на его скулах заходили с такой силой, будто он перекусывал стальной трос. — Да у меня комбриг на этих манёврах должен наступать клином на глубину тридцать километров... Если дизеля поймают гидроудар...

— Танки встанут прямо перед смотровой вышкой Минобороны, — подал голос Березин, не спеша прикуривая папиросу от спички. — В Москве сидит шаповаловская «крыша» в чине замминистра. Они на тебя всех собак и спустят: скажут, комдив Коршунов сорвал боевую подготовку, растратил ресурс двигателей и выставил армию на посмешище. Тебя — под трибунал, Шаповалову — орден за бдительность. Как в народе говорят: *«Вор ворует — мир горюет, а начальство ручки греет».*

Коршунов с грохотом опустил пудовый кулак на стол — кружка с квасом подпрыгнула и опрокинулась:

— Что делать предлагаешь, контрразведка? Стрелять этого борова на месте?!

— Зачем стрелять? — спокойно произнёс Краснов. — *«Не рой другому яму, сам в неё упадёшь, а если вор яму вырыл — подтолкни его в спину»*. Ничего не отменяй, товарищ генерал. Наоборот. Начинай парад.

Девять утра. Мороз усилился до минус двадцати пяти. Над танкодромом висел плотный туман. На генеральской трибуне толпилась столичная комиссия: два генерал-полковника из Главного автобронетанкового управления в каракулевых папах, чиновники из аппарата правительства и свита проверяющих.

Чуть позади всех, самодовольно выпятив круглый живот в новеньком генеральском бекеше на собольем меху, стоял полковник Шаповалов. Лицо его лоснилось, как смазанный маслом блин, в глазах читалась полная безмятежность: всё схвачено, банкет накрыт, проверяющим подготовлены подарочные наборы с икрой и коньяком.

Коршунов поднялся на трибуну, чётко приложил руку к папаше:

— Товарищи генералы! В связи с резким понижением температуры и вводной из Генштаба предлагаю изменить порядок учений! Проверить готовность техники к немедленному маршу при экстремальных морозах! Первый батальон шестьдесят восьмого танкового полка — к машине! Завести двигатели!

Шаповалов на заднем плане слегка дёрнулся. Его лоснящееся лицо на мгновение потеряло краску:

— Товарищ генерал-майор... По регламенту сначала прогрев форсунок... Потом осмотр фильтров...

— По какому регламенту, полковник?! — рявкнул Коршунов так, что птицы слетели с ближних берёз. — *«На войне регламентов нет, там либо ты выстрелил, либо тебя сожгли»*! Враг ждать прогрева не будет! Заводи!

В морозный воздух взметнулась сигнальная ракета.

На танковой директрисе взревели стартеры десяти тяжёлых Т-90. И тут начался кошмар. Первый танк выплюнул из выхлопных патрубков клуб белого вонючего дыма, дёрнулся, проехал ровно двадцать метров и с глухим металлическим хрустом заглох. Следом за ним второй танк затрясся в лихорадке, из его моторного отсека повалила чёрная копоть, раздался визг срезаемых шестерён ТНВД — топливные насосы высокого давления заклинило намертво от парафиновой каши.

Через две минуты на заснеженном поле стояли девять неподвижных боевых машин, окутанных удушливым сизым чадом, а из динамиков радиации комбата доносился отборный, многоэтажный мат механиков-водителей:

— Дизеля встали! Топливо замёрзло в фильтрах! Вода в рампе!

Московский генерал-полковник медленно повернулся к Коршунову. Взгляд инспектора сулил расстрел на месте:

— Это что такое, комдив?! Это ваша хваленая готовность?! Танки встали на ровном месте!

— Никак нет, товарищ генерал-полковник! — чеканя каждый слог, громко доложил Коршунов. — Двигатели исправны, экипажи на местах! А вот топливо, по бумагам числящееся арктическим дизелем высшей пробы, оказалось котельной жижей!

Коршунов резко повернулся к побледневшему Шаповалову:

— Полковник Шаповалов! Выйти из строя! Снять перчатки! Бери ковш, скотина, черпай из бака командирской машины и пей перед строем комиссии!

Шаповалов затрясся. Его холёное лицо стало цвета сырой штукатурки, губы задрожали:

— Виктор Степанович... Это провокация... Поставщики подвели... Я разберусь...

— *«Поздно пить боржоми, когда почки отвалились, а вору поздно каяться, когда наручники звенят»*! — рявкнул Коршунов.

Генерал шагнул к тыловику, ухватил его за новенький каракулевый погон и с треском, с мясом вырвал его из полевой куртки, швырнув в затоптанный снег:

— Перед строем бригады лишаю должности за измену и саботаж!

В этот момент к трибуне с визгом тормозов подлетели два чёрных микроавтобуса с символикой военной контрразведки. Двери распахнулись, и на плац выскочили оперуполномоченные майора Воронова во главе с капитаном Седых.

Воронов чётко подошёл к комиссии, развернул красное удостоверение и папку с золотым гербом:

— Управление ФСБ по Центральному военному округу. Полковник Шаповалов, вы задержаны по подозрению в государственной измене, хищении военного имущества в особо крупном размере и организации заказного убийства диспетчера Серебрякова. Оружие на землю! Руки за спину!

Седых ловко крутанул Шаповалова лицом в капот штабного уазика. Щёлкнули стальные браслеты наручников. «Складской маршал» только всхлипнул, когда с его головы сбили дорожную папаху.

Через час в кабинете Коршунова стоял густой табачный дым. Московская комиссия, оправившись от шока и ознакомившись с неопровержимыми документами из блокнота Серебрякова, срочно строчила шифрограммы в Главную военную прокуратуру.

Коршунов налил в четыре гранёных стакана армейский коньяк «Звёздочка». Напротив сидели Березин, Воронов и Краснов.

Генерал молча поднял стакан:

— За Серебрякова. Пусть земля деду будет пухом. Отомстили.

Выпили молча, не чокаясь.

— Значит так, Краснов, — Коршунов поставил стакан на стол, глядя на чиновника уже совершенно другими глазами — как на боевого товарища, с которым только что вылезли из одного окопа. — Службу ГСМ округа я прямо сейчас передаю майору Ракитину. Мой человек, из танкистов, кремень. Склады пересчитаем до последнего литра. Но ты понимаешь, во что ты ввязался? В Москве сейчас такой вой поднимется — стены задрожат.

Замминистра, которого ты лишил кормушки, этого просто так не оставит.

— Пусть воют, — Краснов усмехнулся одними уголками губ. — *«Собака лает — ветер носит, а караван идёт»*. Главное, Виктор Степанович, чтобы армия знала: в тылу у неё есть люди, которые за каждый патрон и каждый литр солярки глотку перегрызут любому вору.

— Армия теперь знает, — Коршунов протянул широкую, мозолистую руку и крепко стиснул ладонь Краснова. — Ты мне, Дмитрий Андреевич, если прижмёт, только маякни. Танки в город я, конечно, не введу — не положено по закону. Но если какая-нибудь тыловая мразь вздумает против твоего рабочего люда силу применить... Я полки на внеплановые учения выведу ровно туда, где им дорогу перекрыть надо. Слово русского генерала.

Краснов вышел на крыльцо штаба. Морозный воздух обжёг лёгкие, небо над полигоном расчистилось, становясь пронзительно-синим.

После ледяного ветра полигона и копоты танковых дизелей родная трёхкомнатная квартира в старой кирпичной «хрущёвке» казалась островком из другой, давно забытой жизни. Здесь не пахло порохом и сырым подвалом морга. Здесь пахло сушёным чабрецом, свежей сдобой и теплом натопленной кухни.

Суббота у Красновых была днём священным. Дмитрий Андреевич, скинув опостылевший служебный костюм, натянул старые мягкие треники и фланелевую рубашу. На кухне всю хозяйничала жена — Анна, спокойная, мудрая женщина с добрыми морщинками у глаз, которая за двадцать лет брака научилась понимать мужа не по словам, а по тому, как он снимает в прихожей ботинки.

Из духовки тянуло жаром: поспевал фирменный заливной пирог с антоновкой. В зале дочка-студентка Маша перебирала конспекты к сессии, напевая что-то под нос, а под ногами путался рыжий кот Кузьма, истощно требовавший свою долю варёной рыбы. Краснов лично занялся семейным досугом — надо было сбить накопившееся напряжение: — Значит так, женсовет, — объявил он за завтраком, намазывая яблочное повидло на горбушку. — Отставить зубрёжку и кастрюли. *«Всех денег не заработаешь, а всех дел не переделаешь — надо и душе праздник дать»*. Одеваемся теплее. Едем в сосновый бор на лыжную базу, а к вечеру — в баню и пельмени лепить всей артелью.

День пролетел как в сказке: мороз щипал щёки, лыжи весело поскрипывали по свежему насту, Машка смеялась, когда отец в шутку завалил её в пушистый сугроб, а потом все вместе пили из термоса обжигающий шиповниковый чай с мёдом от Березина.

Тревога прорвалась позже, когда дочь уснула, а за окном закружила тихая ночная метель. Анна налила мужу свежего чая, села напротив и положила свою тёплую ладонь поверх его загрубевшей руки. Глаза её были внимательными и тревожными.

— Димочка, — тихо, чтобы не разбудить Машу, начала она. — В городе только и разговоров, что про Звягинцева и склады на полигоне. У нас на работе бабы шепчутся: начальника полиции скрутили, полковника из армии в наручниках увезли, а в администрации половина кабинетов на больничный разом ушли от страха. В нашем захолустье такого отродясь не бывало. Все знают, что ты за этим стоишь, хоть и молчишь. Скажи прямо: что за тектонические сдвиги у нас начались? И чем это грозит нам?

Краснов посмотрел на жену. Врать ей он не умел и не хотел:

— Грозит, Аня. Сильно грозит. Мы пнули осиное гнездо, а осы там ядовитые, столичные. Они привыкли, что народ бессловесный, терпит любую подлость. А мы им краник перекрыли.

Анна сжала его пальцы крепче, голос её чуть дрогнул:

— Димочка... А если они на нас пойдут? На Машку? Ты же знаешь, у них ни стыда, ни совести нет.

Краснов мягко улыбнулся, накрыл её руку второй ладонью и заговорил спокойно, с той железной уверенностью, которая передавалась без слов:

— Не бойся, родная. Мы не одни. За нами теперь такие люди встали, о которых в газетах не пишут. Армия, контрразведка, честные мужики с заводов. Я этот шаг сделал не вслепую, каждый угол просчитан. Но на крайний случай, если в области совсем шакалы взбесятся... Есть куда вас на время отправить.

— Куда? — подняла глаза Анна.

— В глухую тайгу, на староверческий хутор к Павлу Сергеевичу. Там воздух такой, что голова кружится, река чистая, тайга на сотни вёрст и сосны до неба. Ни одна столичная крыса туда носа не сунет — там такие волкодавы на подступах стоят, что танк не проедет. Это только на время, пока мы здесь главную грязь не вычистим.

Краснов вздохнул, глядя в окно на танцующие снежинки:

— Ты же сама видишь, Ань... Так жить больше нельзя. Детям нашим что останется? Страна, распиленная на куски, где вор учит честного жить по понятиям? Михалыча в больнице сгубили, деда Серебрякова на рельсах удавили... Если мы сейчас назад сдадим, нам грош цена. Как в народе говорят: *«Кто назад оглядывается, тот вперёд не дойдёт, а волков бояться — так и в тайгу за ягодой не ходить»*. Мы прорвёмся, Анечка. Обязательно прорвёмся. У нас правда за душой, а против правды у них брони нет.

Анна долго смотрела на мужа, потом тихо вздохнула, прижалась щекой к его широкому плечу и прошептала:

— Сумасшедший ты у меня, Димочка. Всю жизнь за правду воюешь.

Краснов едва заметно поморщился, но в глазах заплескались тёплые смешинки. Он осторожно приобнял её за плечи и пробасил с притворной строгостью:

— Ань, ну сколько раз просил: не называй меня «Димочка». Мне пятый десяток, у меня на подведомственной территории трубы диаметром в метр рвутся и генералы по струнке ходят, а ты — «Димочка». Зови просто Дим, Митя, да хоть Андреич, но только не Димочка, ради бога. А то чувствую себя первокласником с ранцем.

Анна тихонько прыснула в кулак, шутливо ткнув его пальцем в бок:

— Ишь ты, грозный какой выискался! Министр подпольный. Ладно уж, Дим... Пошли пельмени морозить, революционер мой. Завтра мужиков твоих из гаража кормить надо будет, а то они на одном сале с чекистской злостью долго не протянут. *«Сытое брюхо к учению глухо, а к битве за правду — в самый раз».*

В доме стало тихо, уютно и спокойно. Семья была предупреждена, тылы прикрыты, а впереди Краснова ждала битва за область.

Глава 7. Цифровой пролетариат и чай из пол-литровой банки Субботний лыжный выезд в сосновый бор и ночные пельмени с Анной на кухне отогрели душу Краснова, но понедельник вернул реальность на круги своя. В гараже № 47 кооператива «Мотор» собрался весь конспиративный совет.

На верстаке, рядом с неизменной банкой соленых груздей и остывающим электрочайником, стоял раскрытый старенький милицейский ноутбук «Асус». Майор Седых, матерясь сквозь зубы, водил пальцем по тачпаду, пытаясь через ведомственную базу «Поток» и реестры недвижимости пробить областную верхушку.

— Бесполезно, Пал Сергеич, — Седых со стуком захлопнул крышку ноута. — По Сабурову в официальных базах чисто, как в операционной. Ни заводов, ни пароходов. «Лада Гранта» шестнадцатого года да дача на шести сотках под Копейском. А то, что его племянница Женечка с вилл на озере Комо не вылезает и личным самолетом в Милан летает, к делу не пришьёшь. В Цюрихский банк с милицейской ксивой не зайдешь — там на три буквы пошлют на чистейшем немецком. *«Видит око, да зуб неймет».* Без железобетонных выписок по счетам к губернатору соваться — только лоб расшибить.

— *«Не умеешь шить золотом — не берись за парчу, а коли взялся — ищи портного»*, — невозмутимо отозвался Березин, заваривая чай. — В наши времена на таких деятелей заводили агентурное дело, внедряли секретаршу и через три месяца имели на столе фотокопии всех платежей. Сейчас времена другие — всё в ваших этих проводах летает. В этот момент железная калитка ворот со скрипом приоткрылась. В щель просунулась взъерошенная голова в надвинутом капюшоне худы. Это был Егор, семнадцатилетний сын Седых — длинный, худой, в вечно расстегнутой куртке и с рюкзаком за плечами.

— Бать, ты дома ключи от гаража запасные бросил и телефон забыл, мать ругается, — парень шмыгнул носом, шагнул внутрь и осекся, оглядывая компанию: седой как лунь дед с колючими глазами, замглавы района Краснов в потертой штормовке и отец при табельном пистолете под курткой.

— Егор! Я же сказал — на выезде я! Какого лешего сюда приперся?! — рывкнул Седых, по привычке пытаясь закрыть плечом ноутбук.

Парень даже не моргнул. Он скользнул взглядом по экрану, потом по китайскому роутеру, мигавшему на полке, и криво, снисходительно усмехнулся:

— Батя... Ты серьезно пытаешься пробить закрытый сегмент обл администрации через открытый городской VPN без смены MAC-адреса и динамических прокси? Тебя админ узла связи уже полчаса как видит и, наверное, со смеху под стол падает.

Седых побагровел:

— Ты как с отцом разговариваешь, щегол?! В угол захотел?! Я майор полиции!

— Да хоть полковник, батя. В сети погон нет, там есть протокол ТСР/IP. Твой «строевой шаг» в трафике светится, как гирлянда на новогодней елке.

Березин медленно поднял голову. Глаза старого чекиста хищно сощурились, в них промелькнул неподдельный интерес:

— А ну-ка, юноша, шагни ближе к печке. Дверь прикрой. Кто, говоришь, твоего батю видит? — Да дядя Женя видит. Фёдорыч, — пожал плечами Егор. — Он на центральном узле связи сидит, серверную держит. Мы с ним на закрытом форуме радиолюбителей

познакомились, когда прошивку для ретранслятора ломали. Он мне десять минут назад в «Телегу» черкнул: *«Передай батю, пусть выдернет инур из розетки, а то к нему с проверкой из главка приедут раньше, чем он чай допьет»*.

Краснов переглянулся с Березиным. У старика на губах заиграла довольная, лисья улыбка: — *«Искали волка по тайге, а он у нас под крыльцом овец пасет»*. Веди нас, Егорка, к твоему дяде Жене. Пора познакомить советскую контрразведку с цифровым пролетариатом.

Центральный узел связи Озёрска прятался на задворках старой типографии — серое трехэтажное здание с решетками на окнах и паутиной кабелей, уходящих под крышу. Подвал встретил их гулом вентиляторов, сухим запахом горячего озона, канифоли и жареной картошки. За тремя огромными серверными стойками, заваленными платами, транзисторами и старыми жесткими дисками, сидел сам хозяин берлоги — Евгений Федорович Карташов, он же «Фёдорыч». Мужик у было лет сорок пять, косматая борода с проседью, вытянутый свитер с прожженным паяльником рукавом и толстые очки в роговой оправе.

Фёдорыч даже не повернулся, продолжая тыкать паяльником в микросхему:

— Егорка, ты кого ко мне приволок? Запах оперских сапог и казенного сукна за версту чую. Если за нелегальную «винду» приехали оформлять — так у меня справка есть, что я душевнобольной на почве радиоэлектроники.

— Не за «виндой», Евгений Федорович, — спокойно шагнул вперед Краснов. — За справедливостью.

Фёдорыч отложил паяльник, поднял очки на лоб и смерил гостей цепким взглядом. Задержался на Березине:

— О как. Вторая Служба? Контрразведка старого замеса? Специфическая посадка головы. Березин хмыкнул, оглядывая стеллажи с раритетными советскими ЭВМ:

— Бывших не бывает, инженер. Смотрю, ты тут «БЭСМ-6» по частям восстанавливаешь? Уважаю. *«Старый конь борозды не портит, а советская медь дольше натовского оптоволокна звенит»*.

— Звенит-то звенит, отец, — хмыкнул сисадмин, доставая из-под стола закопченный чайник и наливая крутой кипяток в четыре пол-литровые банки из-под майонеза с плавающими сухими смородиновыми листьями. — Только нынешние хозяева жизни думают, что если они за границей сервер купили, так Бога за бороду поймали. Слушаю вас. С чем пожаловали?

Краснов сел на скрипучий ящик из-под кабелей:

— Губернатор Сабуков. Нам нужны реальные следы его денег. Швейцария, Кипр, Лихтенштейн. Всё, что он через свою племянницу качает. Нам нужно положить ему на стол бумаги, от которых у него дыхание перехватит.

Фёдорыч отхлебнул кипятка прямо из банки, поморщился и с кривой усмешкой посмотрел на Краснова:

— Наивные вы люди, чиновники. Вы думаете, там супершпионы сидят? Да вся их «швейцарская тайна» держится на дремучей человеческой тупости. У Женечки Сабуковой ума — как у канарейки: только селфи щелкать да в спа-салонах висеть. Она на прошлой неделе из Ниццы прилетела в облминистрацию, подключила свой служебный iPad к их открытому министерскому Wi-Fi и давай по закрытой почте с женевским

трастовым управляющим переписываться. А сисадмин в области — племянник вице-губернатора, у него на роутере заводской пароль стоит: «admin123». Я этот трафик еще в прошлый четверг перехватил, когда у них шлюз упал и пакеты через наш районный ретранслятор пошли.

Фёдорыч повернулся к терминалу, застучал по клавиатуре с пулеметной скоростью:

— Егор, подцепи второй винт через переходник. Подними дампы почтового сервера за шестнадцатое число.

Парень ловко щелкнул тумблерами, вставил кабель, и на зеленом монохромном мониторе побежали бесконечные строчки шестнадцатеричного кода.

Через десять минут затрещал древний матричный принтер «Эпсон». Печатающая головка с противным металлическим визгом начала выбивать на перфорированной бумаге строчку за строчкой.

Краснов взял теплую, пахнущую краской ленту.

Там было всё:

Трастовый фонд «Alpen Alpine Holding» (Цюрих, Банхофштрассе, 45), оформленный на Евгению Сабурову.

Проводка на восемь с половиной миллионов евро со счетов фирмы-подрядчика, строившей перинатальный центр в области (тот самый, где через полгода обвалилась крыша).

Платежка за покупку шале в кантоне Вале с прямым указанием назначения платежа: «За консалтинговые услуги по развитию транспортной сети Озёрского района».

—

Вот вам и козыри в рукаве, — сухо сказал Фёдорыч, вырывая лист из принтера и протягивая Краснову. — Стоимость этой бумажки — двадцать лет строгаца с конфискацией до седьмого колена.

Седых смотрел на сына круглыми глазами, не веря, что этот долговязый пацан в наушниках только что вскрыл финансовую цитадель региона. Майор неловко кашлянул, подошел и тяжело опустил руку сыну на плечо:

—

Ну... молодец, Егорка. Мужик. Взыскание по гаражу снимается.

Парень покраснел, спрятал руки в карманы худи и пробурчал:

—

Да ладно, бать...

«Ученье — свет, а неученье — статья номер двести семьдесят два, неправомерный доступ к компьютерной информации»

. Вы главное губернатора этим листом прижмите так, чтобы он пикнуть не посмел.

Березин спрятал распечатку в свой старый кожаный портфель, застегнул медный замок и похлопал Фёдорыча по плечу:

—

Спасибо за службу, инженер. Родина тебя не забудет.

—

«Родина-то вспомнит, Пал Сергеевич, главное, чтоб военкомат не вспомнил»

, — язвительно осклабился сисадмин. — Чай допивайте, заговорщики, и валите. Мне еще на узле питания фазу перекинуть надо, пока город без интернета не остался.

Глава 8. Мраморный серпентарий и хозяйский счёт

На следующее утро здание областного правительства встречало Краснова могильной тишиной. Здание из серого гранита и зеркального стекла в народе не зря звали «Титаником». Внутри — глушащие шаг ковровые дорожки цвета переспелой брусники,

начищенная бронза и ледяной сквозняк из кондиционеров, пахнувший дорогим парфюмом и чиновничьим страхом.

Дмитрий Краснов шёл по длинному коридору пятого этажа. На нём был привычный тёмно-серый костюм, отутюженный Анной, и начищенные зимние ботинки. Секретарши в строгих костюмах провожали его взглядами, в которых сквозило любопытство пополам с суевренным ужасом. Слух о «чумном замке из Озёрска», из-за которого за неделю рухнули местный начальник полиции и окружной интендант, уже докатился до областных верхов. У массивных дубовых дверей приёмной Краснова ждал Березин. Старик сидел на кожаном диване под кадкой с чахлой пальмой, держа на коленях тот самый портфель. Одет он был подчёркнуто скромно: в вязаную безрукавку под пиджаком, словно ветеран труда, пришедший хлопотать о дровах.

— Пал Сергеич, готовы? — негромко спросил Краснов, присаживаясь рядом.

Березин даже бровью не повёл, глядя прямо перед собой:

— *«Пастух овец не бросает, когда волки на водопой сходятся»*. Губернатор Сабуров — лис тёртый. Он тридцать лет у корыта держится, потому что умеет вовремя лизнуть верхи и сожрать низы. На ковёр тебя вызвали не для порки, Дима. Порют втихую. Тебя будут ломать через покупку. Посулят кресло мэра, депутатский значок, долю в областном фонде. Запомни: *«Бесплатный сыр только в мышеловке, да и то для второй мыши»*.

Улыбайся, слушай, кивай, но бумаги не подписывай. Папочка от Фёдорыча у меня. Если начнет гнуть через колено — бей наотмашь.

Дверь распахнулась, и холёный референт с золотой запонкой на манжете процедил: — Краснов? Губернатор ждёт. Один.

Кабинет губернатора Бориса Викторовича Сабурова поражал размахом. Размером с хороший спортзал, отделанный карельской берёзой, с панорамными окнами на заснеженную набережную.

Сам губернатор сидел за огромным Т-образным столом. Пятьдесят восемь лет, идеальная седина волосок к волоску, породистое лицо человека, никогда не державшего ничего тяжелее золотой перьевой ручки. На лацкане пиджака от Brioni поблёскивал орден «За заслуги перед Отечеством».

Когда Краснов вошёл, Сабуров даже не поднял глаз от бумаг. Прошла минута, вторая — классический приём психологического прессинга: дать посетителю пропотеть на пороге, почувствовать свою ничтожность.

Краснов молча прошёл к столу, отодвинул тяжёлое дубовое кресло с гербом и спокойно сел, положив руки на полированное дерево.

Сабуров медленно поднял глаза. Взгляд у губернатора был тяжёлый, водянистый: — Я разрешения присесть не давал, Дмитрий Андреевич.

— В ногах правды нет, Борис Викторович, — ровным, глуховатым голосом ответил Краснов. — А у меня рабочий день идёт, в Озёрске замена магистрали на Заречной слободе. Если вы меня чай пить позвали — то я без сахара пью. А если по делу — давайте по делу. *«Время — не деньги, время дороже: деньги украсть можно, а время назад не веротишь»*.

Сабуров криво усмехнулся, откинулся на высокую спинку кресла и сцепил пальцы в замок: — Наглый. Люблю наглых. Только наглость, Краснов, хороша, когда за ней дивизия стоит. А ты кто? Заместитель начальника отдела благоустройства в райцентре с населением в сорок тысяч душ. Ты понимаешь, какую бучу ты поднял?

Губернатор подался вперёд, и в его голосе зашипел металл:

— Звягинцев был системным человеком. Шаповалов держал баланс в округе. Да, брали. А кто не берёт?! *«Сухая ложка рот дерёт, а несмазанная телега не едет»*! На этих людях держалась вертикаль! А ты притащил в район чекистов, армейцев на уши поставил, сорвал

проверку Минобороны! Мне из Администрации Президента уже два звонка было! Ты думаешь, ты Робин Гуд? Ты — кость в горле у механизма!

Краснов выслушал тираду не мигая:

— Вертикаль, говорите? Борис Викторович, вертикаль — это когда столб ровно стоит и крышу держит. А ваша вертикаль — это труба с дерьмом, которая сверху вниз течёт, а снизу вверх только деньги сосёт. Звягинцев ржавые трубы на сорок миллионов подsunул городу. Деда Серебрякова, ветерана труда, на путях удавили за то, что ворованную солярку не подписал. Это, по-вашему, «баланс»? В народе про такую власть говорят: *«Волку зима в радость, да овцам от неё смерть»*.

Сабуров побагровел, но сдержался. Достал из стола сигару, чиркнул дорогой зажигалкой и выпустил клуб дыма:

— Ладно. Хватит митинговщины. Я прагматик, Краснов. И вижу, что ты парень с головой и с хваткой. Оперов подтянул, военных обаял... Молодец. Системе нужны зубастые. Губернатор открыл кожаную папку и придвинул к Краснову плотный белый лист:

— Вот указ. Мэра Калошина я сегодня отправляю в отставку по состоянию здоровья — он и так уже валерьянку литрами глушит. Ты заступаешь исполняющим обязанности главы города Озёрска. Через полгода — официальные выборы, мы тебе нарисуем семьдесят процентов без шума и пыли. Бюджет района увеличу на треть. Будешь полномочным хозяином. Но взамен — ты закрываешь свой следственный зуд. Шаповалова оставляем на уровне склада, на генералов и Москву выходы обрубаются. Майор Седых сидит тихо. А про свои бредни о «сессионном парламенте» и «депутатах от сохи» забываешь навсегда. По рукам?

Краснов посмотрел на указ. Там уже стояла размашистая губернаторская подпись с золотой гербовой печатью. Полная, сытая власть над районом на блюдечке.

Краснов неторопливо достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист перфорированной бумаги от Фёдорыча и положил его поверх губернаторского указа: — Почитайте на досуге, Борис Викторович. Вторая снизу строчка особенно занятная. Сабуров небрежно взял лист, скользнул взглядом... и замер. Дымок от сигары пошел вкривь. Глаза губернатора полезли на лоб, холеное лицо из багрового медленно превратилось в цвет сырой штукатурки:

— Это... это что за бред? Откуда это у вас?!

— Это не бред, Борис Викторович. Это выписка из Цюрихского траста «Alpen Alpine Holding». На имя вашей племянницы Евгении. Восемь с половиной миллионов евро отката за недостроенный перинатальный центр, у которого в прошлом месяце крыша рухнула на детское отделение. И платежка за шале в Альпах с назначением: «За консалтинг транспортной сети Озёрска».

Краснов поднялся во весь рост, уперся кулаками в стол и посмотрел в побелевшие глаза губернатора:

— *«Сколь верёвочка ни вейся, а конец найдётся»*. Вы хотели стереть меня в порошок, Борис Викторович? Не выйдет. Если со мной, с моей семьей или с моими людьми в районе хоть волосок упадет — эта бумага через десять минут ляжет на стол Директору ФСБ и выйдет во всех независимых телеграм-каналах страны. Настоящие копии лежат в трех банковских ячейках за пределами области.

Сабуров скомкал сигару в пепельнице дрожащими пальцами:

— Чего... чего ты хочешь, шантажист?! Денег? В совет директоров металлургического холдинга?!

Краснов усмехнулся — тяжело, по-мужички:

— Калошина уберите — это правильно. Но город возглавит комитет из заводчан и инженеров. А осенью... Я иду на губернаторские выборы. Сам. Самовыдвиженцем от рабочего люда. И если ваш избирком попытается забраковать хоть одну подпись трудяг — область встанет.

Литейщики остановят металл, железнодорожники перекроют ветку, а генерал Коршунов выведет танки на плановые учения прямо вдоль правительственной трассы. Понятно объясняю?

Сабуров молчал, тяжело хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

Краснов развернулся и четким шагом направился к дверям. Взявшись за ручку, обернулся: — Да, и передайте племяннице: пароли на роутере надо менять чаще, чем гардероб в Милане. *«Век живи — век учись, а воровать не ленись — на нарах окажешься»*. Всего доброго, Борис Викторович.

В приёмной Березин поднялся навстречу, спрятал пустой портфель под мышку и лукаво подмигнул:

— Ну как, проглотил пилюлю?

— Едва не задохнулся, Пал Сергеич. Пароль от роутера ему передал.

— *«Поделом вору и мука»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.